

К Е Н
ФОЛЛЕТТ

К Е Н
ФОЛЛЕТТ

ОПАСНОЕ НАСЛЕДСТВО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44
Ф75

Серия «Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.»

Ken Follett

A DANGEROUS FORTUNE

Перевод с английского *О.И. Перфильева*

Компьютерный дизайн *Я.Е. Половцевой*

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств Writers House, LLC и Synopsis.

Фоллетт, Кен.

Ф75 Опасное наследство : [роман] / Кен Фоллетт ; [пер. с англ. О. И. Перфильева]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 512 с. — (Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.).

ISBN 978-5-17-082995-8

В 1866 году в английской частной школе Уиндфилд произошла трагедия — при загадочных обстоятельствах утонул один из учеников. Свидетелями случившегося были лишь несколько его товарищей...

Таково первое звено в цепи событий, растянувшейся на многие десятилетия и затронувшей множество судеб. Цепи событий, протянувшейся через закрытые «клубы для джентльменов» и грязные бордели, через роскошные бальные залы и кабинеты в лондонском Сити, где викторианские финансисты вершили судьбы не только империи, но и всего мира. Кен Фоллетт создал захватывающую сагу о семье с амбициями и страстями, объединенной опасным наследством — правдой о том, что произошло в действительности в школе Уиндфилд много лет назад.

УДК 821.111-311.6

ББК 84(4Вел)-44

© Ken Follett, 1994

© Перевод. О.И. Перфильев, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-082995-8

Благодарности

За щедрую помощь в написании этой книги я благодарю следующих друзей, родственников и коллег: Кэрол Бэрон, Джоанну Бурк, Бена Брейбера, Джорджа Бреннана, Джеки Фарбер, Барбару Фоллетт, Эмануэль Фоллетт, Катю Фоллетт, Майкла Хоскол-ла, Пэм Мендес, М. Дж. Обребб, Ричарда Овери, Дэна Старера, Ким Тернер, Энн Уорд, Джейн Вуд и Эла Цукермана.

Семейное древо

ПИЛАСТЕРОВ

Джон Пиластер (скончался)

Эзекиел (скончался)

Сет

Мадлен=Джордж Хартсхорн

Молодой Уильям=Беатрис

Джозеф=Августа

Тобиас=Лиана

Сэмюэл

Эдвард

Клементина=Гарри Тонкс

Хью

Дотти

Пролог

1866 год

I

В тот день, когда произошла трагедия, ученики Уиндфилдской школы были наказаны и сидели в своих комнатах.

При обычных обстоятельствах такой жаркий майский полдень в субботу они провели бы на южном поле, играя в крикет или празднично развалившись в тени Епископской рощи. Но в тот день из ящика письменного стола преподавателя латыни доктора Оффертона кто-то похитил шесть золотых соверенов, и подозрение пало на всех. Всем мальчикам было строго приказано находиться на своих местах, пока не найдут вора.

Мигель Миранда, или попросту Мики, сидел за столом, испещренным инициалами предыдущих поколений скупавших школьников. В руках он держал изданный правительством справочник «Снаряжение пехоты». Подробные иллюстрации с мечами, мушкетами и ружьями заинтересовали бы его надолго, но сегодня было слишком жарко, и он никак не мог сосредоточиться. С другой стороны стола в учебник латыни невидящим взором уставился его сосед по комнате Эдвард Пиластер. Эдвард был занят тем, что переписывал перевод Плутарха из тетради Мики в свою тетрадь. Ткнув в страницу испачканным чернилами пальцем, он тяжело вздохнул и произнес:

— Не могу прочитать это слово.

Мики вытянул шею и заглянул в тетрадь.

— Декапитация. На латыни — *decapitatio*, что означает «обезглавливание».

Латынь Мики давалась легко, в основном благодаря тому, что его родным языком был испанский, многие слова которого имели латинские корни.

Эдвард заскрипел пером. Мики встал и подошел к открытому окну. Ни малейшего ветерка. Он мечтательно посмотрел вдаль, за конюшни. Где-то там, за северной окраиной рощи, находился заброшенный каменный карьер, заполненный водой. Вода в нем всегда была прохладной, даже в самую нестерпимую жару...

— Пойдем искупаемся, — предложил он вдруг.

— Мы отсюда не выберемся, — отозвался Эдвард.

— Можем пройти через «синагогу», — сказал Мики.

«Синагогой» называли соседнюю комнату, в которой жили еврейские мальчики. В Уиндфилдской школе не слишком увлекались богословием и к разным религиям относились довольно терпимо, поэтому она пользовалась популярностью среди представителей самых разных конфессий. Эдвард, например, происходил из семьи методистов, а отец Мики был католиком. Но, несмотря на официальные правила, предписывающие равное отношение ко всем воспитанникам, к евреям многие относились с легким презрением.

— Вылезем через их окно на крышу прачечной, спустимся по глухой стене конюшни, а оттуда до рощи рукой подать, — продолжал Мики.

— Не миновать нам Хлестуна, если попадемся, — испуганно пробормотал Эдвард.

Хлестуном называли ясеневую трость директора школы, доктора Поулсона. Наказанием за ослушание служили двенадцать чрезвычайно болезненных ударов этой тростью. Мики уже один раз удостоился такого наказания за азартные игры и до сих пор содрогался от ужасного воспоминания. Но возможность того, что их поймут, казалась такой далекой и несущественной, а мысль о том, что можно с головой погрузиться в пруд, такой реальной, что он уже почти ощущал прохладу воды покрытой потом кожей.

Мики внимательно посмотрел на своего товарища. Эдварда в школе недолюбливали, он был слишком ленивым, чтобы хорошо учиться, слишком неуклюжим для игр и слишком эгоистичным, чтобы заводить друзей. Единственным его другом был Мики, и он приходил в ярость, когда Мики проводил время с другими.

— Позову тогда Пилкинтона, — сказал Мики и направился к двери.

— Не надо, не зови, — остановил его Эдвард.

— Почему не надо? — удивленным голосом спросил Мики. — Ты же боишься.

— Я не боюсь, — неубедительно ответил Эдвард. — Просто мне надо закончить латынь.

— Закончишь, пока мы будем плавать с Пилкинтоном.

Некоторое время Эдвард упрямо смотрел на него, затем сдался:

— Ну ладно, я пойду, — сказал он нехотя.

Мики открыл дверь. В коридоре были слышны какие-то глухие звуки, доносившиеся из других частей здания, но учителей видно не было. Мики быстро проскользнул в соседнюю комнату, за ним последовал Эдвард.

— Привет, иудеи, — сказал Мики.

В этой комнате за столом сидели два мальчика и играли в карты. Они бросили взгляд на Мики и вернулись к своему занятию, не промолвив ни слова. Третий ученик, Толстяк Гринборн, был занят тем, что, по обыкновению, поедает пирог. Его мать постоянно присылала ему какую-нибудь еду.

— Привет и вам, — отозвался он дружелюбно. — Хотите пирог?

— Ради бога, Гринборн! — воскликнул Мики. — Вечно ты жрешь, как свинья.

Толстяк пожал плечами и продолжил уплетать лакомство. Он терпеливо сносил все насмешки, которыми остальные щедро осыпали его, как еврея и как толстяка, но которые, казалось, отскакивали от него, не причиняя ни малейшего беспокойства. Говорили, что его отец — богатейший человек мира; Мики подумал, что, наверное, из-за этого-то ему и все равно, кто как его обзывает.

Мики подошел к окну, открыл его и глянул вниз. Во дворе конюшен не было ни души.

— Вы что задумали? — спросил Толстяк.

— Идем купаться, — сказал Мики.

— Вас же высекут.

— Я знаю, — жалобно сказал Эдвард.

Мики сел на подоконник, перекинул ноги, перекатился на живот и осторожно опустил на покатую крышу прачечной. Он ожидал услышать треск черепицы, но крыша выдержала его вес. Сверху за ним настороженно наблюдал Эдвард.

— Давай спускайся! — сказал Мики и пошел вниз по крыше, к водосточной трубе, цепляясь за которую спустился по стене на землю. За ним последовал Эдвард.

Мики выглянул за угол прачечной. Во дворе никого не было. Не медля ни секунды, он пробежал по двору и скрылся в рощице. Он бежал, пока ему не показалось, что их уже не заметят со стороны школы, а потом остановился, чтобы передохнуть. Сзади тяжело дышал Эдвард.

— Ну вот, все у нас получилось! — сказал Мики. — Никто нас не видел.

— Нас еще могут поймать, когда мы будем возвращаться, — мрачно сказал Эдвард.

Мики усмехнулся. Эдвард, на его взгляд, был типичным англичанином, со светлыми волосами, голубыми глазами и вытянутым, похожим на кинжал, носом, широкоплечим парнем с неуклюжими движениями и без малейшего чувства стиля и вкуса. Оба они были одного возраста — шестнадцать лет, — но во всех остальных отношениях представляли собой полную противоположность. Черноволосый Мики с вьющимися кудрями и темными глазами все время тщательно следил за своим внешним видом и одеждой.

— Доверься мне, Пиластер, — сказал он. — Разве я когда-нибудь тебя подводил?

Эдвард добродушно улыбнулся. Слова Мики, казалось, его успокоили.

— Ну хорошо, пойдем.

Они пошли по едва различимой тропинке, вьющейся среди деревьев. В тени берез и вязов было прохладно, и Мики почувствовал себя лучше.

— Чем вы будете заниматься этим летом? — спросил он Эдварда.

— В августе мы обычно уезжаем в Шотландию.

— У вас там охотничий домик? — Мики осваивал жаргон представителей английской знати и знал, что в таких случаях полагается говорить «охотничий домик», даже если на самом деле речь шла о замке из пятидесяти комнат.

— Родители арендуют, — ответил Эдвард. — Но мы там не охотимся. Отец ведь у меня не увлекается охотой.

В голосе Эдварда Мики различил нотки оправдания и задумался. Он знал, что английские аристократы любят в августе охотиться на птиц, а зимой на лис. Он также знал, что аристократы не отсылают своих сыновей в эту школу. Отцы учеников

Уиндфилдской школы были не графами или епископами, а предпринимателями и инженерами, а такие люди не желают попусту тратить время на охоту и стрельбу. Пиластеры были банкирами, и когда Эдвард сказал, что его отец не увлекается охотой, он, по сути, признавался в том, что принадлежит не к самому высшему классу общества.

Мики забавляло, что англичане больше уважают праздность, а не трудолюбие. В его стране, правда, не уважали ни бездельников-аристократов, ни усердных предпринимателей. Его соотечественники уважают только силу и власть. Если человек имеет власть над другими, если в его власти заставить их голодать или накормить, бросить за решетку или освободить, убить или помиловать, то о чем еще остается мечтать?

— А ты? Как ты собираешься провести лето? — спросил Эдвард.

Этого-то вопроса Мики и ожидал.

— Останусь здесь, в школе.

— На все каникулы? Снова?

— А что еще делать? Отправиться домой я не могу. Шесть недель только в одну сторону — мне придется развернуться, даже не доплыв до дома.

— Да, невесело тебе.

На самом деле Мики и не хотелось возвращаться домой. Он недолюбливал свой дом с тех пор, как умерла мать. Теперь там остались одни мужчины: отец, старший брат Пауло, кое-какие другие родственники и четыреста пастухов. Для своих людей отец Мики, по прозвищу Папа Миранда, был героем, но для самого Мики чужим человеком: холодным, нетерпеливым, раздражительным. Еще хуже был брат Пауло — глупый, но очень сильный. Пауло ненавидел Мики за то, что тот умнее, и потому пытался всячески оскорбить и унижить своего брата. Он никогда не упускал шанса посмеяться над тем, как Мики неумело набрасывает аркан на бычков, плохо держится в седле или промахивается, стреляя по змеям. Его любимой шуткой было напугать лошадь Мики, чтобы она понесла, а Мики вцеплялся в ее загривок, жмурился от страха и не открывал глаза, пока лошадь не уставала от безумного галопа по открытой пампе. Нет, Мики вовсе не испытывал желания возвращаться на каникулы домой. Он хотел, чтобы его пригласили на лето погостить у Пиластеров.

Но Эдвард не сделал такого предложения, а Мики не стал настаивать, подумав, что такая тема еще не раз всплывет в их разговоре.

Мальчики перелезли через полуразвалившийся деревянный забор и пошли вверх по невысокому холму. Добравшись до вершины, они увидели перед собой круто высеченные края карьера с водой. Берега этого рукотворного водоема обрывались резко вниз, но ловкие мальчики без труда могли найти путь к самой кромке воды, где копошились жабы с лягушками и иногда проплывал уж.

К удивлению Мики, они оказались не единственными, кому пришла в голову мысль искупаться. В воде уже плескались три других мальчика.

Щурясь от солнечных бликов, он всматривался в обнаженные тела. Все трое были учениками четвертого класса Уиндфилдской школы.

Ярко-рыжая, почти морковного цвета, шевелюра принадлежала Антонио Сильве, который, несмотря на цвет волос, был соотечественником Мики. Отец Тонио не был таким богатым землевладельцем, как отец Мики, но семейство Сильва жило в столице и имело влиятельные знакомства. Как и Мики, Тонио не мог отправиться домой на каникулы, но у него были друзья в посольстве Кордовы в Лондоне, так что он вовсе не собирался оставаться на все лето в школе.

Вторым мальчиком был Хью Пиластер, двоюродный брат Эдварда, хотя никакого сходства между ними не наблюдалось. Хью был невысокого роста, черноволосым, стройным, с озорной улыбкой на лице. Эдвард сердился на Хью за то, что тот хорошо учится и что рядом с ним сам он, Эдвард, выглядит тупицей.

Третьим был Питер Миддлтон, довольно застенчивый мальчик, который постоянно ходил по пятам за Хью. У всех троих были белые гладкие тела тринадцатилетних подростков с тонкими руками и худыми ногами.

Затем Мики разглядел четвертого. Тот плавал у дальнего конца пруда и был старше остальных. Похоже, он держался отдельно. Лица его Мики не рассмотрел и не смог распознать, кто это такой.

Эдвард злобно усмехнулся. Он понял, что ему представился случай расквитаться со своим двоюродным братом за все обиды. Приложив палец к губам, он жестом предложил Мики спустить-

ся к карьеру. Мики последовал за ним. Так, не говоря ни слова, они дошли до выступления, на котором купающиеся оставили свою одежду. Тонио и Хью были увлечены тем, что постоянно ныряли, словно исследуя что-то под водой, а Питер спокойно плавал сам по себе. И он же первым заметил подошедших.

— О нет! — вырвалось у него.

— Так-так-так! — назидательным тоном произнес Эдвард. — Значит, нарушаете правила?

К этому моменту и Хью заметил своего двоюродного брата.

— Вы тоже нарушаете! — крикнул он.

— Лучше вам вернуться, пока вас не хватились, — сказал Эдвард, поднимая с землю брюки. — Только смотрите, не промокните, а то все узнают, где вы были.

С этими словами он швырнул брюки подальше в пруд и закудаhtал от смеха.

— Ах ты гад! — воскликнул Питер, подплывая к брюкам и стараясь их выхватить из воды.

Мики усмехнулся.

Эдвард подобрал ботинок и тоже швырнул его в воду.

Младшие мальчики засуетились. Эдвард взял еще одни брюки, которые отправил вслед за предыдущими. Ему казалось забавным, как жертвы его шуток беспокойно кричат и ныряют за своими вещами. Мики тоже засмеялся.

Пока Эдвард продолжал кидать в воду башмаки и одежду, Хью Пиластер выбрался на берег. Мики подумал, что Хью бросится наутек, но тот направился напрямиком к Эдварду. Не успел Эдвард обернуться, как Хью ударил его что было сил. Эдвард, несмотря на то что был гораздо крупнее Хью, пошатнулся, потерял равновесие, замахал руками и рухнул с крутого берега в пруд, подняв целый фонтан брызг.

Все это произошло в мгновение ока. Хью сгреб оставшуюся одежду в охапку и неуклюжими движениями, словно обезьяна, стал подниматься по склону. Мики было бросился за ним, но подумал, что не догонит такого стройного и шустрого подростка. Вместо этого Мики обернулся и посмотрел, как там Эдвард. Волноваться было не о чем, Эдвард вынырнул и крепко ухватился за Питера, в ярости погружая его голову в воду раз за разом в отместку за издевательский смех.

Тонио отплыл подальше и вышел на дальнем берегу пруда, держа в руках мокрую одежду.

— Отвяжись от него, ты, обезьяна! — крикнул он Эдварду.

Тонио отличался вспыльчивостью, и Мики даже стало интересно, что он сделает на этот раз. Тонио прошелся по берегу, нашел камень побольше и подобрал его. Мики крикнул, чтобы предупредить Эдварда, но было уже поздно. Тонио на удивление точно швырнул камнем и угодил Эдварду прямо в голову. На брови Эдварда выступило алое пятно.

Эдвард заревел от боли и, оттолкнув Питера, поплыл через пруд к Тонио.

II

Хью бежал голым через лес к школе, зажав в руках остатки своей одежды и стараясь не обращать внимания на боль в босых ногах. Там, где тропинку пересекала другая, он повернул налево, пробежал немного, нырнул в кусты и затаился.

Там он некоторое время лежал, переводя дыхание и прислушиваясь. Его двоюродный брат Эдвард и дружок Эдварда, Мики Миранда, слыли самыми отпетыми негодяями в школе. Лучшим способом отделаться от них было вовсе не попадаться им на глаза. Но Хью прекрасно понимал, что Эдвард так просто от него не отвяжется и будет преследовать его. Эдвард всегда ненавидел Хью.

Их отцы тоже были в ссоре. Отец Хью, Тоби, забрал свою часть капитала из семейного предприятия и основал свое дело, торгуя красителями для текстильной промышленности. Даже сейчас, в тринадцать лет, Хью знал, что худшим преступлением для семейства Пиластеров было забрать свой капитал из общего банка. Отец Эдварда, Джозеф, так и не простил этого своему брату Тоби.

Интересно, подумал Хью, что случилось с остальными. Их было четверо, пока не пришли Мики с Эдвардом: Тонио, Питер и Хью плескались у ближнего берега, а ученик постарше, Альберт Кэмел, плавал один у дальнего берега.

Обычно Тонио был смел до безрассудности, но и он побаивался Мики Миранду. Они были родом из одной южноамериканской страны под названием Кордова, и Тонио утверждал, что семья Миранды очень влиятельная и жестокая. Хью не совсем понимал,

что это значит, но видел, как Тонио, готовый дерзко задеть любого пятиклассника, в присутствии Мики затихает и становится преувеличенно вежливым, едва ли не услужливым.

А Питер, вероятно, и вовсе обезумел от страха, ведь он пугался даже своей собственной тени. Оставалось только надеяться, что рано или поздно хулиганы от него отстанут.

Альберт Кэмвелл, по кличке Горбун, пришел искупаться сам по себе и оставил свою одежду в другом месте, так что, наверное, ему тоже удалось уйти.

Хью посчастливилось скрыться первым, но неприятности его на этом не закончились. Он потерял нижнее белье, носки и ботинки. Придется прокрадываться в школу в мокрой рубашке и мокрых брюках в надежде, что его не заметят учителя или кто-нибудь из старших учеников. При мысли об этом он невольно испустил жалобный стон. «Почему со мной постоянно случается такое?» — мысленно спрашивал он себя.

Неприятности начались полтора года назад, сразу же после поступления в Уиндфилд. Обучение давалось Хью легко: он усердно занимался и на всех экзаменах показывал лучший результат в классе. Но его выводили из себя мелочные и бессмысленные правила. Он не понимал, зачем каждый вечер ложиться спать обязательно без четверти десять, когда у него всегда находились дела еще на полчаса. Если ученикам запрещали посещать какие-либо места, для него это было своего рода приглашение — его так и манили сад священника, дворик директора, подвал для угля и погреб с пивными бочками. Он бегал, когда надо было ходить, читал, когда надо было спать, и разговаривал во время молитвы. И он постоянно оказывался в ситуациях вроде нынешней, испуганный и недоумевающий, как его угораздило так вляпаться.

В лесу все замерло, и не было слышно ни звука, пока Хью горестно размышлял о своих несчастьях. Неужели ему суждено стать изгнанником, возможно, даже преступником, которого бросят за решетку или закуют в кандалы и отправят в Австралию?

Наконец Хью уверил себя в том, что Эдвард его не выслеживает. Он встал, натянул мокрые брюки с рубашкой и тут услышал чей-то плач.

Осторожно он вытянул из-за куста шею, и тут же ему в глаза бросилась ярко-рыжая шевелюра Тонио. Его друг медленно брел по тропинке, держа в руках свою одежду и всхлипывая.